

В. Я. ФАЙНБЕРГ

ОСНОВАТЕЛЬ НОВОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ.

(Воспоминания об А. Д. Сахарове)

Следуй своей дорогой, и пусть
люди говорят что угодно ...

Данте

После неожиданной смерти А. Д. Сахарова прошло более года. Опубликовано уже немало статей и заметок об этом уникальном человеке. Однако всю глубину потери мы не сможем осознать даже по прошествии многих лет.

А. Д. Сахаров стоял у истоков нового мышления и был предтечей начавшейся перестройки в нашей стране и мире. Одним из первых он провозгласил основные принципы новой вселенской нравственности и веры, опирающиеся не только на «вечные» моральные истины, но также учитывающие новейшие достижения науки и техники, глобальные проблемы, возникшие вместе с уско-ряющимся развитием нашей цивилизации.

Его атеизм был своеобразен. На встрече с избирателями в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР (ФИАН) в январе 1989 г. он говорил: «Я не являюсь формально верующим. Это для меня чуждо и неприемлемо. Я глубоко уважаю верующих, право людей верить, так же как и право быть атеистом. Это внутреннее право людей. Люди находят моральные и душевные силы и в религии, а также и не будучи верующими. Что касается меня, то мне трудно однозначно охарактеризовать мою позицию. Я все-таки считаю, что какой-то внутренний смысл во всем бытии, во всем том, что существует, есть. Полная неосмысленность, отсутствие какой-то духовной теплоты в мире для меня также неприемлемо, т. е. в какой-то мере это, наверное, религиозное чувство, но оно не выливается ни в какую религиозную систему и веру в какие-то догматы... Вот такая сложная и неопределенная позиция...» (магнитофонная запись, не опубликовано).

Его вера и оптимизм были основаны на глубоком творческом понимании современных достижений науки о человеке и Вселенной в целом. В 1975 г. А. Д. Сахаров закончил Нобелевскую лекцию словами: «Тысячелетия назад человеческие племена проходили суровый отбор на выживаемость, и в этой борьбе было важно не только умение владеть дубинкой, но и способность к разуму, к сохранению традиций, способность к альтруистической взаимопомощи членов племени. Сегодня все человечество в целом держит подобный же экзамен. В бесконечном пространстве должны существовать многие цивилизации, в том числе более разумные, более „удачные“, чем наша. Я защищаю также космологическую гипотезу, согласно которой космологическое развитие Вселенной повторяется в основных чертах бесконечное число раз. При этом другие цивилизации, в том числе более „удачные“, должны существовать бесконечное число раз на „предыдущих“ и „последующих“ к нашему миру листах книги Вселенной. Но все это не должно умалить нашего священного стремления именно в этом мире, где мы, как вспышка во мраке, возникли на одно мгновение из черного небытия бессознательного существования материи, осуществить требования разума и создать жизнь, достойную нас самих и смутно угадываемой нами цели» (сб. «Тревога и надежда». М., 1990. С. 163).

Каким образом в условиях нашей «социалистической» действительности в самые суровые и страшные годы сталинской деспотии мог появиться и сформироваться человек с таким миро-воззрением? Человек, заглянувший в суть вещей и противоречий, раздиравших не только нашу страну, но и все человечество? Попытаться хоть в малой степени, в меру своих сил пролить

дополнительный свет на эту личность — святой долг каждого, кто знал его, общался с ним... При этом, по моему глубокому убеждению, не следует создавать очередной миф об этом сложном человеке или стремиться сделать его имя знаменем какого-либо одного общественного движения и отторгать его от других. Сахаров принадлежит всему человечеству. Он был живой человек, мог ошибаться; он никогда не стремился поучать, не изрекал истин в последней инстанции; он непрерывно учился у жизни; иногда ненавязчиво (реже — со всей внутренней страстностью своей натуры) оказывал влияние на окружающих.

Его взгляды формировались постепенно; как и многие из его поколения, он пришел к ним через мучительные поиски и колебания, пересматривая и отвергая идеологические мифы, которые вдалбливались в наши головы с раннего детства.

В моем сознании образ этого человека складывался в течение 40 лет. У меня накопилось много личных впечатлений от научных и общественно-политических обсуждений с ним самых разнообразных вопросов, от воздействия порой взаимно противоречивых оценок его правозащитной деятельности со стороны общих знакомых и незнакомых мне людей. Не претендуя на полноту, попытаюсь выделить наиболее яркие впечатления, отложившиеся в моей памяти.

В 1949 г. после окончания МИФИ я впервые встретился с А. Д. Сахаровым в теоретическом отделе ФИАНа, возглавляемым нашим общим учителем И. Е. Таммом. Андрей Дмитриевич считался уже старожилом отдела: он поступил в аспирантуру в 1945 г., в 1947 г., защитил кандидатскую диссертацию. Обстановка в отделе была довольно демократичной и непринужденной: к любому сотруднику, невзирая на его ранг, можно было обратиться с научным вопросом и получить консультацию. Хорошо помню, что после некоторых таких бесед я, со свойственной молодости самоуверенностью, выводил для себя сотрудникам оценки типа «тянет» или «не тянет». Первая научная беседа с Андреем Дмитриевичем не оставила яркого впечатления: говорил он медленно, как бы с усилием подбирая нужные слова и фразы. Эта манера мало изменилась на протяжении всей его жизни. Однако только через несколько лет стало понятно, что это — следствие глубокой внутренней работы мысли и стремления к законченности формулировок. Это качество затрудняло его преподавательскую деятельность: он жаловался И. Е. Тамму, что студенты плохо понимают его. По этой причине Андрей Дмитриевич вынужден был уйти из Московского энергетического института в 1948 г., где он преподавал в те трудные послевоенные годы.

После нескольких месяцев знакомства в моем сознании произошла полная переоценка этого человека. Со всех сторон, если речь заходила о Сахарове, только и слышалось: он сказал то-то и то-то, он решил такую-то задачу; все это сопровождалось эпитетами «блестяще», «превосходно» и т. п. Я убедился сам, после перевода в начале 1950 г. на закрытые работы в ФИАНе, что среди ведущих ученых, занимавшихся атомной проблемой, он пользовался большим авторитетом, хотя ему тогда не исполнилось и 30 лет. А. Д. Сахаров обладал, по всей вероятности, особо сконструированным мозгом: любые задачи, которые вставали перед ним, он всегда решал нестандартным путем. О том, что эта черта была присуща ему еще в студенческие годы, мне рассказывал учившийся с ним в МГУ на одном курсе А. А. Коломенский¹. Поражала способность Андрея Дмитриевича из общих соображений и размерных оценок объяснять сложные физические явления. Помню, как в 1950 г. Ю. А. Романов² с восхищением рассказывал мне, что после обсуждения с Сахаровым своей идеи расчета магнитных моментов ядер для него все стало ясно. О Сахарове в те (и последующие) годы сложилось много легенд, большинство из которых имело под собой вполне реальные факты: о том, как он сдавал аспирантский экзамен И. Е. Тамму, Е. Л. Фейнбергу и С. М. Рытову и нашел правильное решение поставленной задачи, но не смог убедительно разъяснить его экзаменующим и получил четверку; о его знаменитом отчете по закрытой тематике, где он на семи страницах вывел уравнение состояния вещества и как затем в течение года эту задачу решали в Институте прикладной математики на самой мощной в то время вычислительной машине «Стрела» и получили ответ, с большой точностью подтверждающий его оценки; о том, как в 1951 г. мы с В. П. Силиным³ сдавали аспирантский экзамен по немецкому языку и преподавательница со вздохом сказала, что она поставит нам «пятерки» и что мы, по-видимому, способные молодые люди, но разве можно сравнить наши переводы с теми великолепными переводами статей Эйнштейна, которые сделал Сахаров!

Особенно сильное впечатление произвела в 1950 г. статья-отчет А. Д. Сахарова и И. Е. Тамма об управляемом термоядерном синтезе. Игорь Евгеньевич рассказывал мне в этой связи, что все мы тогда работали как бы в шорах, были полностью поглощены атомной проблемой, не было минуты свободного времени. И вот приходит как-то вечером Андрей Дмитриевич и излагает

свою идею о том, что можно попытаться удержать (термоизолировать) горячую плазму в тороидальном замкнутом объеме и в принципе разогреть ее до температуры термоядерной реакции. Совместная разработка двумя выдающимися физиками этой идеи привела к рождению нового направления в науке — к теории и разработке магнитных термоядерных реакторов (МТР — термин, предложенный И. Е. Таммом).

Здесь следует подчеркнуть, что с самого начала знакомства И. Е. Тамма и А. Д. Сахарова между учителем и учеником установились дружественные, проникнутые взаимной симпатией и доверием отношения, сохранившиеся до последних дней жизни И. Е. Тамма. Игорь Евгеньевич всегда отзывался об Андрее Дмитриевиче с большой теплотой, отмечал его незаурядный талант ученого и изобретателя и высокие моральные качества. В последние годы жизни Игорь Евгеньевич неоднократно возвращался к «феномену Сахарова», он говорил, что трагедия Андрея Дмитриевича состояла в том, что ему пришлось пожертвовать своим любимым увлечением — физикой элементарных частиц, чтобы сначала заняться атомной и водородной бомбой, а затем, осознав беды нашей цивилизации, почти все силы отдать борьбе за выживание человечества. Игорь Евгеньевич оказал большое влияние на формирование нравственных принципов Андрея Дмитриевича. В январе 1989 г. на предвыборной встрече с сотрудниками ФИАНа Сахаров говорил: «Мои взгляды формировались под влиянием тех людей, с которыми я общался, под влиянием семьи, в которой я рос, жил и работал; большую роль сыграл И. Е. Тамм, о котором здесь уже говорили...» (магнитофонная запись, не опубликовано).

Основное время и силы с 1950 по 1969 г., исключая довольно частые поездки в Москву и участие в семинарах и научных дискуссиях в теоретическом отделе ФИАНа, А. Д. Сахаров посвятил работе в ВНИИЭФ, где он внес огромный вклад в разработку и создание ядерного оружия, в обеспечение ядерного паритета. Параллельно он разрабатывал новые научные направления. В 1952 г. он выдвинул идею создания взрывомагнитных генераторов, основанную на превращении энергии химического или ядерного взрыва в энергию магнитного поля. В 1964 г. на таких генераторах были получены рекордные значения напряженности магнитных полей до 25 млн. эрстед. В 1967 г. он публикует работу о возможной нестабильности основной частицы мироздания — протона, предсказывая время его жизни — 10^{50} лет. Эта смелая гипотеза получила дальнейшее развитие в так называемых единичных моделях элементарных частиц («моделях великого объединения»). Сейчас во многих странах мира, включая СССР, проводятся и планируются новые эксперименты по обнаружению этого уникального явления. В 50-е — начале 60-х годов на А. Д. Сахарова обрушивается шквал заслуженных наград и официальных признаний: ему без защиты присваивают звание доктора наук и избирают академиком (1953 г.), трижды присваивают звание Героя Социалистического Труда (1953, 1956, 1963); он становится лауреатом Ленинской и Государственной премий. Однако внешне это не отразилось ни на стиле его поведения, ни на уже сформировавшихся морально-этических принципах: он остался самим собой и, как часто говорят, выдержал испытание славой и богатством⁴.

В середине 50-х годов, после смерти Сталина и разоблачения Хрущевым на XX съезде КПСС культа личности и обстановки террора, которая царил в нашей стране и партии, Андрей Дмитриевич впервые начал серьезную переоценку своего мировоззрения. Впоследствии в своей автобиографии он писал, что «участие в разработке термоядерного оружия, в подготовке и осуществлении термоядерных испытаний сопровождалось все более острым осознанием порожденных этим моральных проблем» (сб. «Тревога и надежда», с. 8). С конца 50-х годов Андрей Дмитриевич все глубже осознает опасность накопления ядерного оружия у противоборствующих сверхдержав — СССР и США, а также возрастающую экологическую угрозу, которая, в частности, связана с испытанием этого оружия. Он был единственным ученым-экспертом, кто открыто возразил Н. С. Хрущеву в 1961 г. против испытания 60-мегатонной водородной бомбы на Новой Земле. К его голосу не прислушались. Именно тогда он, по всей видимости, начал осознавать, что вероятность ядерного конфликта неизмеримо возрастает в том случае, если ответственные политические решения зависят от бесконтрольной воли отдельного руководителя или группы лиц, стоящих во главе партии и государства.

Хорошо помню, какой резонанс в нашем отделе и в научных кругах имело выступление А. Д. Сахарова на Общем собрании в Академии наук СССР в июне 1964 г. против избрания в академики ближайшего сподвижника Т. Д. Лысенко Н. И. Нуждина. В конце своего выступления Андрей Дмитриевич сказал: «Я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы „за“, были бюллетени тех лиц, которые

вместе с Нужиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются. (Аплодисменты)» (Сахаров и Лысенко: противостояние // Сов. культура. 1990. 10 марта). Такого выступления в стенах Академии наук не было за все годы Советской власти. Н. И. Нудин и В. Н. Ремесло не были избраны в Академию наук СССР. В этом поступке, как и в споре с Н. С. Хрущевым в 1961 г., проявилась одна из наиболее привлекательных черт личности А. Д. Сахарова: не идти против своей совести, отстаивать свои убеждения до конца, невзирая на лица. Это качество особенно ярко раскрылось в последние 3 года жизни Андрея Дмитриевича, когда он получил возможность публично излагать свои взгляды в печати и выступал на Съезде народных депутатов и в Верховном Совете.

Переломным в его судьбе стал 1968 г. Он публикует меморандум «Размышление о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», где привлекает внимание к главным опасностям, стоящим перед человечеством: к угрозе термоядерной войны, голода, геоигиены (экологии), расизма, национализма, милитаризма, диктаторских режимов. Статья ходила по рукам. Власти не разрешили опубликовать ее в открытой печати⁵. Несмотря на то, что впоследствии Андрей Дмитриевич оценивал эту работу как «эклетическое и местами претенциозное произведение (см. предисловие к этой статье), читая ее сейчас, можно убедиться, что там заложены основы программы всей его дальнейшей общественной деятельности и что в то время Андрей Дмитриевич еще верил в «жизнеспособность социалистического пути». Однако дальнейшая эволюция нашей страны в сторону «развитого социализма» привела ее на грань катастрофы. Это полностью развеяло у Андрея Дмитриевича иллюзии о возможности диалога с тогдашним руководством страны и в корне изменило его взгляды на «социалистический путь» развития.

А тогда, в 1968 г., он вынужден был уйти из ВНИИЭФ и после почти 20-летнего перерыва в 1969 г. вернулся в ФИАН. Ему предлагали для работы другие учреждения, но он соглашался работать только в теоретическом отделе. Я был свидетелем, когда А. Д. Сахаров пришел в кабинет И. Е. Тамма и написал заявление о восстановлении его в должности младшего научного сотрудника. На предложение возглавить сектор он ответил: «Я слишком отстал и вряд ли смогу сейчас кем-либо руководить». С трудом удалось убедить Андрея Дмитриевича занять должность старшего научного сотрудника. Аналогичная история повторилась в декабре 1986 г., после возвращения Андрея Дмитриевича в теоретический отдел из горьковской ссылки: его уговорили перейти на должность главного научного сотрудника, и снова он наотрез отказался возглавить сектор.

Период с 1969 по 1980 г. наполнен драматическими событиями в жизни А. Д. Сахарова. Началась его последовательная и бескомпромиссная защита инакомыслящих; борьба за коренную демократизацию и кардинальные изменения всей нашей экономической, социальной и политической системы, против ядерной опасности, за выживание человечества⁶.

Ему были свойственны уважение и терпимость к чуждому мнению. Это, в частности, проявилось в особом отношении Андрея Дмитриевича к сотрудникам теоретического отдела ФИАНа. Чтобы не подвергать их опасности, он обещал руководству отдела не заниматься политикой ни в отделе, ни в институте и не вовлекать сотрудников в активную диссидентскую деятельность. Но полностью выполнить это обещание не удалось, что произошло не по вине Андрея Дмитриевича. Руководство и партийная организация отдела постоянно подвергались давлению парткома и дирекции с целью создания вокруг А. Д. Сахарова в отделе и институте обстановки нетерпимости, изоляции и даже бойкота. По инициативе парткома института в 1973 г. была организована кампания сбора подписей под заявлением, осуждающим деятельность А. Д. Сахарова. Для того чтобы «сломать» нежелающих подписывать это письмо, использовались самые изощренные приемы: не подписывались (парткомом) характеристики для защиты диссертации, для поездки за рубеж и т. п. К чести теоретического отдела надо сказать, что никто из ведущих сотрудников отдела не подписал пасквиля против А. Д. Сахарова. Особую роль в организации травли Андрея Дмитриевича и создании в институте обстановки, которая вынудила бы Сахарова уйти из ФИАНа, принадлежала тогдашнему первому секретарю Октябрьского РК КПСС Т. А. Архиповой. Знаю это не понаслышке: до 1974 г. я был зам. секретаря парткома ФИАНа по воспитательной работе, а с 1974 г. — секретарем партийной организации теоретического отдела. С небольшими видоизменениями партийная политика давления и запугивания со стороны РК КПСС по отношению к теоретическому отделу сохранилась вплоть до возвращения А. Д. Сахарова из ссылки в г. Горьком. Сейчас даже трудно понять, что в конечном счете спасло теоретический отдел от идеологического разгрома.

Активная политическая деятельность А. Д. Сахарова вне стен ФИАНа находила отражение

и в институте. Запомнилась борьба Андрея Дмитриевича за освобождение Ж. Медведева из психиатрической больницы и моя попытка в этой связи организовать в институте общественное обсуждение этого конфликта с приглашением Андрея Дмитриевича и представителей прокуратуры и Министерства здравоохранения СССР. «Сверху» последовал угрожающий окрик: никаких обсуждений с Сахаровым ненаучных вопросов; нечего предоставлять ему трибуну для пропаганды своих взглядов. Андрей Дмитриевич рассказывал мне, что во время беседы с тогдашним зам. министра здравоохранения СССР на вопрос: «Как вы могли подписать предписание о помещении Ж. Медведева в психбольницу, наверняка зная, что он здоров?» — последовал ошеломляющий ответ: «Что Вы от меня хотите? Я ничего не могу сделать, так как вынужден ежегодно подписывать по требованию КГБ десятки **незаполненных** предписаний!» Бескомпромиссная позиция Андрея Дмитриевича привела к успеху: Ж. Медведев был выпущен из «психушки». В 1990 г. Ж. Медведев реабилитирован.

Как-то, кажется в 1976 г., я обсуждал с Андреем Дмитриевичем содержание его книги «О стране и мире» и в основном соглашался с его критическими аргументами в адрес внутреннего и внешнего положения страны и политики руководства, но вместе с тем я спросил его: «Неужели Вы не видите ничего положительного в нашей действительности? Нельзя ли проявлять большую гибкость при ее оценке?» Он ответил: «Пока такие люди, как генерал П. Г. Григоренко, находятся в сумасшедшем доме, я не могу быть гибким!»

А. Д. Сахаров тратил массу своих душевных и физических сил на патриотическую деятельность. Вместе с тем он находил время для научной работы и посещения вторичного общемосковского семинара теоретического отдела. С 1969 по 1979 г. он опубликовал в печати шесть научных статей. Его участие в семинаре почти всегда приносило пользу. Приведу лишь два ярких примера. На семинаре был поставлен доклад о состоянии исследований по лазерному термоядерному синтезу⁷ (1973 г.?). В конце доклада Андрей Дмитриевич задал необычный вопрос докладчику: «Как Вы думаете, сколько будет стоить один нейтрон в Вашей установке?» «Я об этом не думал», — ответил докладчик. «Примерно 0,5 копейки», — сказал Сахаров. Если учесть, что для ядерной реакции нужно достичь плотности 10^{15} нейтронов в 1 см^3 , то легко сообразить, сколько бы стоила подобная установка! Дискуссия сразу погасла. Другой пример. На семинаре делал доклад член-корреспондент АН СССР В. М. Галицкий о гидродинамической теории столкновения ядер. Я сидел рядом с Андреем Дмитриевичем и видел, как он чертит на клочке бумаги какие-то пересекающиеся окружности и, как мне показалось, не очень внимательно слушает докладчика. Неожиданно он спросил у Галицкого: «У Вас показатель адиабаты равен одной четвертой?» — «Откуда Вы знаете?» — в свою очередь спросил Галицкий. — Ведь я еще только собираюсь об этом рассказывать». Андрей Дмитриевич ответил, что он сам сделал расчеты.

Продлав стремительную научную карьеру, Андрей Дмитриевич по-прежнему, как и в молодые годы, не придавал какого-либо значения своему внешнему виду и одевался очень скромно. Дело доходило до курьезов. Однажды на семинаре отдела, сидя позади Андрея Дмитриевича, я и Ю. А. Романов обратили внимание, что его очки имеют очень древний вид и удерживаются на носу с помощью веревочки, охватывающей голову. Я негромко, но так, чтобы Андрей Дмитриевич мог услышать, сказал Юрию Александровичу: «Давай подарим нашему бедному академику новые очки». Андрей Дмитриевич обернулся, улыбнулся, но ничего не ответил. На следующее заседание семинара он пришел в новых очках. Лет через 10, в 1987 г., когда Андрей Дмитриевич уже вернулся в Москву, Елена Георгиевна Боннэр рассказывала мне с гордостью, что ей удалось сшить для Андрея Дмитриевича хороший костюм, который он после некоторого сопротивления⁸ согласился одевать в особо торжественных случаях.

К концу 1979 г. международная обстановка резко обострилась. Наши войска вступили в декабрь 1979 г. в Афганистан. В январе 1980 г. Сахаров выступил перед иностранными корреспондентами и резко осудил эту военную акцию, назвав ее трагической ошибкой. Реакция Андрея Дмитриевича логически вытекала из его принципиальной позиции, что при тоталитарном режиме и наличии ядерного оружия у нашей страны усиливается опасность втягивания СССР в военные конфликты, грозящие перерасти в ядерную войну со всеми ее катастрофическими последствиями (вспомните карибский кризис в 1962 г., говорил он, когда мир висел на волоске и все зависело от воли одного человека — Н. С. Хрущева!). Он подчеркивал при этом, что такому развитию способствует принятая в то время внешнеполитическая доктрина, суть которой в том, что если ядерная война разразится, то в ней погибнет капитализм (?). Я помню, что один из моих разговоров с Андреем Дмитриевичем обо всем этом состоялся буквально накануне войны в Афганистане.

На заявление Сахарова власти отреагировали быстро. Во вторник 22 января 1980 г. недалеко от дома, когда Андрей Дмитриевич ехал на семинар в ФИАН, в его машину сели два сотрудника КГБ и отвезли к заместителю генерального прокурора А. Рекунову, который зачитал ему постановление о высылке его в г. Горький и лишении всех правительственных наград. Затем его отвезли в аэропорт, откуда в самолете переправили в г. Горький⁹. Так началась незаконная (без суда и следствия) семилетняя ссылка академика А. Д. Сахарова в г. Горький. Его с женой поместили в трех комнатах четырехкомнатной квартиры¹⁰ в доме № 214 по проспекту Гагарина (район «Щербинка») — в «золотой клетке», как с горьким юмором окрестили эту квартиру иностранцы корреспонденты.

Ссылка А. Д. Сахарова вызвала широкую международную волну протестов. Начался бойкот многих международных научных (и не только научных) конференций и встреч в СССР; ряд международных организаций обратился с протестами в адрес руководства страны; некоторым советским ученым было отказано в участии в зарубежных конференциях и совещаниях; начался бойкот деятельности многих наших представительств за границей. Все это нанесло огромный ущерб моральному авторитету нашей страны, ее экономике, престижу АН СССР, которая не смогла защитить А. Д. Сахарова; усугубилось отставание нашей науки.

Ведущие государственные и общественные деятели многих стран обратились к руководству нашей страны и лично к Брежневу с просьбами пересмотреть решение о высылке Сахарова. Ответа не последовало. И без того высокий авторитет Сахарова как последовательного борца за права человека, за разоружение и мир возрос еще больше. Внутри нашего отдела первоначально царил атмосфера всеобщего шока. Никто тогда не верил, что можно добиться освобождения А. Д. Сахарова из ссылки. С трудом удалось избежать отчисления Андрея Дмитриевича из института. После длительных обсуждений было решено попросить заведующего отделом академика В. Л. Гинзбурга поехать в ЦК КПСС и убедить руководство отдела науки ЦК в необходимости возобновления научных контактов с Сахаровым. Главный довод по существу состоял в том, что мощный мозг Сахарова при любом стечении обстоятельств нельзя отторгать от науки. Для представителей КГБ и высшей партийной бюрократии, да и для руководящих чиновников АН СССР, был подброшен еще один более «убедительный» аргумент: чем больше он будет заниматься научной работой, тем меньше у него останется времени для общественной правозащитной деятельности. Умные люди как среди защитников Сахарова, так и среди его противников прекрасно понимали, что, с одной стороны, невозможно без серьезных оснований полностью изолировать Андрея Дмитриевича от общества (посадить в тюрьму, выслать за границу, где он мог бы стать символом и знаменем всех сил, борющихся против тоталитарного режима в нашей стране), с другой — КГБ попыталось сделать все возможное, чтобы в ссылку перекрыть главные каналы его общения с зарубежными корреспондентами. Это облегчило бы с помощью клеветы дискредитацию имени Сахарова и его правозащитную борьбу в глазах советских людей. Поэтому возобновление научных контактов с Андреем Дмитриевичем в Горьком таило в себе опасность (и, как показало последующее развитие событий, так и случилось) просачивания правдивой информации от Сахарова через научных сотрудников теоретического отдела ФИАНа. Но власти вынуждены были пойти на этот шаг (и это, по всей вероятности, главная причина), чтобы сбить нарастающую волну протестов со стороны прогрессивных международных сил.

Именно поэтому, по моему мнению, В. Л. Гинзбургу удалось добиться разрешения на научные поездки сотрудников теоретического отдела ФИАНа к Сахарову в Горький. Было бы очень интересно и поучительно проникнуть в тайны подготовки, обсуждения и принятия решения на уровне Брежнева о высылке А. Д. Сахарова в г. Горький, а также узнать о позиции тех или иных руководящих деятелей, в том числе ЦК и АН СССР. К сожалению, вряд ли когда-нибудь удастся это сделать, так как никаких протоколов, по-видимому, не велось. Во всяком случае, зондирование общественного мнения, особенно среди ученых как со стороны КГБ, так и руководящих партийных работников, безусловно, проводилось. Сужу об этом хотя бы по такому факту: кажется, на следующий день после высылки А. Д. Сахарова тогдашний заместитель директора ФИАНа А. Ф. Плотников спрашивал меня о возможной реакции сотрудников отдела на этот акт. Я ответил, что митингов протеста, по-видимому, устраивать не будут, но что отношение большинства сотрудников отдела к высылке Сахарова резко отрицательное.

Поездки сотрудников отдела в г. Горький к Андрею Дмитриевичу были более или менее регулярными¹¹: всего за 7 лет у Сахарова побывало 17 сотрудников отдела. Некоторые из них совершили по несколько поездок. Визиты коллег, без сомнения, оказали не только научную,

но и моральную поддержку Андрею Дмитриевичу, и он неоднократно подчеркивал это в разговорах со мной и другими близкими ему людьми. Организация поездок и выбор кандидатов для поездки происходили на добровольной основе, исходя главным образом из просьб А. Д. Сахарова.

За годы ссылки Сахаров опубликовал (без соавторов) шесть оригинальных научных работ. Наиболее значительными из них, с моей точки зрения, являются «Космологические модели Вселенной с повтором стрелы времени» (1980) и «Многолистные модели Вселенной» (1982). Они отражали тот большой интерес, который Андрей Дмитриевич проявлял к вопросам космологии и квантовой гравитации, где в последнее десятилетие была вскрыта глубокая взаимосвязь между кварк-лептонной структурой элементарных частиц и процессами, определяющими развитие Вселенной на ранней стадии ее эволюции.

Если попытаться представить во всей полноте и трагичности меру моральных и физических страданий, выпавших на долю А. Д. Сахарова в горьковской ссылке, то столь продуктивная его научная работа уже является подвигом! А ведь он не прекращал своей борьбы за права человека, за прогресс, за мир и интеллектуальную свободу.

Поделился своими личными впечатлениями о встречах с Андреем Дмитриевичем в Горьком. Первый раз я побывал у него вместе со своим молодым коллегой А. Д. Линде в мае 1980 г. Мы приехали рано утром и остановились в общежитии Института химии АН СССР, которое находилось в полукилометре от дома, где жил Сахаров. Хорошо помню, что я более часа рассказывал Линде об Андрее Дмитриевиче, о его выдающихся способностях и человеческих качествах¹². Потом мы пошли к Андрею Дмитриевичу. Преодолев паспортный контроль в коридоре перед входом в квартиру, где сидел сотрудник КГБ в милицеской форме, мы вошли в квартиру и были приветливо встречены А. Д. Сахаровым и Е. Г. Боннэр¹³. Они были расстроены, узнав, что мы уже позавтракали, так как приготовили завтрак и для нас. Затем Андрей Дмитриевич и Елена Георгиевна говорили о плохом медицинском обслуживании, о трудностях с продуктами, о плохом обеспечении научной информацией, о тотальной слежке и невозможности встречаться даже с хорошими знакомыми в Горьком. Более 4 часов Линде и я рассказывали и обсуждали с Андреем Дмитриевичем научные новости. Поздно вечером мы уехали в Москву. Насколько я помню, политических вопросов в этот приезд мы почти не касались. Реакция со стороны органов при моем возвращении в Москву была обескураживающей. Тогдашний заместитель директора по режиму ФИАНа В. А. Одинокоев вызвал меня и сообщил, что «генерал» (начальник КГБ в г. Горьком) недоволен мною, что я превысил свои полномочия, слишком расхваливал в разговорах с Линде научные и человеческие качества Андрея Дмитриевича и чуть ли не назвал его гением. Я ответил, что все, что я говорил, соответствует истине и что для проверки моих слов надо пригласить «генерала» и всем вместе прослушать записи. «Какие записи?! — взорвался замдиректора. — Вы за кого меня принимаете?» На мой «наивный» вопрос: «Откуда же „генерал“ знает, что я говорил?» — ответа не последовало. Одинокоев был явно обескуражен и заявил, что меня ждут неприятности. Это случилось незамедлительно: из КГБ на меня были высланы «телеги» в МК и в АН СССР, меня не выпускали за рубеж до 1988 г.

Возникли трудности с моими последующими поездками в г. Горький. Об этом можно судить по письмам, которые послал Андрей Дмитриевич в сентябре 1980 г. В. Л. Гинзбургу, в которых он просил воздержаться от командирования сотрудников теоретического отдела к нему в связи с «неясностью с разрешением на поездку в Горький В. Я. Файнберга и Д. А. Киржница (в особенности важную в силу близости их научных интересов к моим)». В этой связи у Андрея Дмитриевича возникли подозрения, что поездки организуются и сотрудники подбираются органами КГБ. Это недоразумение было рассеяно после ответных писем В. Л. Гинзбурга. Я же смог поехать в г. Горький второй раз только через 2 года.

Последняя моя поездка вместе с А. Цейтлиным в г. Горький состоялась 21 мая 1986 г., в день 65-летия А. Д. Сахарова. Новая волна писем и обращений хлынула в адрес Горбачева с призывами освободить А. Д. Сахарова. Е. Г. Боннэр разрешили для лечения выехать за границу. При входе в квартиру Андрея Дмитриевича у нас уже не проверяли паспорт. Андрей Дмитриевич встретил нас очень приветливо. Мы вручили ему подарки от сотрудников отдела. Затем после завтрака¹⁴ состоялись многочасовые (до обеда) обсуждения научных вопросов.

Андрей Дмитриевич любил отдыхать на Откосе — очень красивом месте на берегу одного из рукавов Волги. И в этот приезд он попросил нас вместе с ним поехать на его машине на Откос; отдохнуть и там обсудить со мной (по традиции) некоторые политические вопросы. Поскольку все в квартире не только прослушивалось, но и просматривалось, то «ненаучную» информацию мы писали обычно на клочках бумаги. Перед выходом из квартиры Андрей Дмит-

риевич написал мне записку с просьбой передать в Москве его письмо Горбачеву. Я (также на бумаге) как «опытный» конспиратор ответил, что лучше всего отдать мне письма в машине, что и было весьма демонстративно проделано Андреем Дмитриевичем, когда мы (Андрей Дмитриевич, А. А. Цейтлин и я) сели в его машину и поехали на Откос.

Хорошо помню, как по возвращении в Москву письмо со всяческими предосторожностями было передано по назначению.

Из всех своих поездок я вынес впечатление о том, что сотрудники КГБ непрерывно следили за Андреем Дмитриевичем не только, когда он выходил из дома один или с Еленой Георгиевной, но и тогда, когда он выезжал в загородные прогулки с сотрудниками отдела. Всякий раз, приезжая на Откос, мы старались остановиться по возможности в безлюдном месте, но, как правило, через некоторое время замечали появление (метрах в 70—100 от нас) одного или двух «обыкновенных» на вид людей, в которых мы безошибочно распознавали сотрудников КГБ. Я почти уверен, что они прекрасно знали, какую информацию мы передавали от Сахарова в Москву.

Отношение сотрудников ГАИ к Андрею Дмитриевичу в отличие от сотрудников КГБ было довольно доброжелательным. Об этом можно судить по такому эпизоду: однажды мы ехали с Андреем Дмитриевичем на Откос и за беседой не заметили, как проехали нужный нам поворот. За рулем сидел я; Андрей Дмитриевич сказал, что можно, не опасаясь, развернуться через разделительный газон прямо напротив ГАИ, где мы остановились. Поколебавшись несколько секунд, я начал разворачиваться на виду у двух или трех сотрудников ГАИ; они демонстративно отвернулись и «не заметили» совершенного нами нарушения... Елена Георгиевна в одно из моих посещений рассказывала мне, что, хотя их машина (благодаря «стараниям» сотрудников КГБ) была в очень плачевном состоянии, центральное ГАИ однажды без осмотра машины выдало Андрею Дмитриевичу талон о прохождении технического осмотра. За это руководство ГАИ г. Горького было подвергнуто разному со стороны КГБ, и Андрею Дмитриевичу пришлось вторично проходить придирчивый техосмотр. Все эти «мелочи» были направлены на то, чтобы вселить в души Андрея Дмитриевича и Елены Георгиевны сознание безнадежности какой-либо борьбы с КГБ.

Из разговоров с А. Д. Сахаровым в последний свой приезд у меня возникло такое чувство, что он острее, чем я и многие другие, предвидел приближение более глубоких перемен в стране и был настроен довольно оптимистически. И это несмотря на то, что за спиной у него остались три голодовки с насильственным кормлением, три кражи органами рукописи книги воспоминаний, которую он каждый раз восстанавливал с большим трудом и закончил последний раз буквально в день своей смерти; осуждение и высылка Е. Г. Боннэр, которой милостиво разрешили проживать в ссылке с мужем, и много других, более «мелких» неприятностей. В эти трудные годы поддержка со стороны его жены и друга Е. Г. Боннэр сыграла решающую роль в том, что он остался жив, не сломался физически и морально. В г. Горьком раскрылись лучшие человеческие качества Андрея Дмитриевича: его неподдельная радость от общения с близкими ему людьми, гостеприимство и простота поведения в домашней обстановке; умение, не перебивая собеседника, слушать противоположное мнение; отсутствие какой-либо озлобленности, несмотря на перенесенные несправедливости и страдания. Все это создавало светлый и добрый образ этого мужественного человека. А ведь он не был добреньким: он вел неоднократно жесткие разговоры с высокопоставленными людьми, отстаивая свою правоту; с ним нелегко было вести научные дискуссии: на каждом шагу мог последовать «каверзный» вопрос. Общение с ним даже в самые трудные дни в г. Горьком вселяло дополнительную веру в жизнь.

16 декабря 1986 г. в квартире А. Д. Сахарова прозвучал звонок М. С. Горбачева. Через два дня последовала двухчасовая беседа в Горьком с президентом АН СССР Г. И. Марчуком о научных планах Андрея Дмитриевича и триумфальное его возвращение утром 23 декабря 1986 г. в Москву. Но для этой более мажорной, но трудной истории нужна отдельная статья.

Закончить мне хочется словами о том, что влияние А. Д. Сахарова на ход перестройки в стране и в мире еще требует глубокого и всестороннего анализа. Ясно, однако, что оно огромно и не поддается простой количественной оценке. Оно сместило внутри каждого из нас, глубоко в нашей душе границу между добром и злом в сторону добра у большинства здравомыслящих людей; оно, конечно, ожесточило убежденных противников перестройки: трудно расставаться с властью, привилегиями, предрассудками. Но все человечество стало несомненно добрее под влиянием этой личности. Это вселяет надежду, что дополнительный запас доброты, который А. Д. Сахаров передал человечеству через каждого из нас, и веры в необратимость перестройки в стране и в мире хоть в малой степени смогут компенсировать невосполнимость потери этого Человека.

¹ А. А. Коломенский, один из старейших сотрудников ФИАНа, доктор физико-математических наук, профессор, лауреат Ленинской премии.

² Ю. А. Романов работал в теоретическом отделе ФИАНа с 1948 по 1950 г., затем — сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института экспериментальной физики (ВНИИЭФ), доктор физико-математических наук, Герой Социалистического Труда.

³ В. П. Силин работает в ФИАНе с 1949 г., доктор физико-математических наук, профессор, ныне директор Отделения физики твердого тела в ФИАНе.

⁴ Свои сбережения (140 тыс. руб.) Андрей Дмитриевич пожертвовал на строительство Онкологического центра в Москве (1969).

⁵ Парадоксально, что эта работа опубликована в СССР только в 1990 г. в сборнике «Тревога и надежда» (см. также: Вопросы философии. 1990. № 2), тогда как за рубежом она издана тиражом, превышающим 20 млн. экз.

⁶ За рубежом большим тиражом вышла его книга «О стране и мире», не изданная пока в СССР. За выдающийся вклад в борьбу за ядерную безопасность и мир в 1975 г. А. Д. Сахаров награжден Нобелевской премией мира.

⁷ Подчеркнем, что идея лазерного термоядерного синтеза была предложена А. Д. Сахаровым.

⁸ По словам Елены Георгиевны, Андрей Дмитриевич говорил: «Зачем мне новый костюм? В Горьком у меня их было три, но они так и висели в шкафу без употребления».

⁹ Вместе с ним тем же самолетом вылетела его жена и друг Е. Г. Беннэр.

¹⁰ Одну из комнат первоначально занимала домработница, от услуг которой пришлось отказаться (она была сотрудницей органов).

¹¹ Более подробно этот период будет отображен в сборнике воспоминаний физиков об А. Д. Сахарове, который предполагается выпустить к 70-летию со дня его рождения.

¹² Как выяснилось впоследствии, все наши разговоры не только в квартире Андрея Дмитриевича, но и в общежитии, где мы остановились, прослушивались КГБ.

¹³ Характерный штрих: милиционерский пост перед нашим приходом перенесли от двери в квартиру к началу коридора для того, чтобы у нас не создавалось, по-видимому, слишком мрачного впечатления от реальных условий заточения, в которых они пребывают.

¹⁴ Зная, что г. Горький снабжался гораздо хуже, чем Москва, все приезжающие к Андрею Дмитриевичу сотрудники нашего отдела захватывали с собой продукты и «на долю» Андрея Дмитриевича.

А. Э. НУДЕЛЬМАН

КОНСТРУКТОР АВТОМАТИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ Я. Г. ТАУБИН

20 апреля 1988 г. в «Литературной газете» была опубликована статья А. Ваксберга «Тайна октября 1941 года» [1], в которой приводились данные о том, что 28 октября 1941 г. без суда и следствия в пос. Барбыш Куйбышевской обл. расстреляны Я. Г. Таубин, И. Ф. Сакриер, П. В. Рычагов и др. По официальной версии, Я. Г. Таубин скончался в лагере в 1948 г. от воспаления легких. В 1956 г. Я. Г. Таубин реабилитирован.

После неожиданного ареста Таубина 16 мая 1941 г. сотрудники ОКБ, руководителем которого он был, сделали все возможное, чтобы поддержать престиж коллектива, сохранить его и продолжать разработку новых видов оружия для победы в Великой Отечественной войне.

Б. Л. Ванников [2] в «Записках наркома» рассказывает о создании в предвоенные и военные годы стрелково-пушечного вооружения для отечественных боевых самолетов. Много внимания он уделяет работам конструктора-изобретателя Я. Г. Таубина. При правильной в целом оценке положения в этом важнейшем для обороны страны деле в описании деятельности Таубина допущены существенные ошибки. Так, события, связанные с разработкой пулемета АП-12,7 Таубина, представлены как события с разработкой пушки МП-6, а завод, производивший пулемет, с заводом, производившим пушку МП-6. О пулемете АП-12,7 Таубина¹ в «Записках наркома» не упоминается, хотя его разработка была труднейшей задачей весной 1941 г. для Таубина и всего коллектива. Ха-

¹ Подробно см. [3, с. 42—45].

Я. Г. Таубин

рактируя Я. Г. Таубина как талантливого изобретателя, Ванников справедливо отмечает некоторые недостатки его действий.

Правильно описаны в «Записках наркома» отрицательные стороны поведения Б. Г. Шпитального², его настойчивые «мероприятия», «доносы», порочащие оружие, создаваемое другими главными конструкторами. В довоенное время Шпитальный делал это и по отношению к работам Таубина. Даже во время войны, в 1942 г., он всячески порочил пушку НС-37, имевшую большие преимущества по сравнению с его 37-мм пушкой Ш-37.

Семь лет (с июня 1934 по май 1941 г.) я работал под руководством Якова Григорьевича Таубина ведущим конструктором, был одним из ближайших его помощников. Представленная вниманию читателей статья — попытка изложить основные данные о его деятельности в дополнение к тем, что появились в последние годы в открытой печати [4, 5].

Автоматический гранатомет

Яков Григорьевич Таубин возглавлял конструкторское бюро с декабря 1933 г. по 16 мая 1941 г. (день ареста). Он был изобретателем первого в мире пехотного автоматического гранатомета под винтовочную гранату Дьяконова калибра 40,8 мм, созданного им в 1932 г.

Еще будучи студентом Одесского института технологии зерна и муки (1929—1933 гг.), Таубин предложил несколько изобретений по своей специальности, впоследствии осуществленных.

Однажды он наблюдал на полигоне Одесского военного училища стрельбу из винтовочной мортирки гранатами Дьяконова. Длительный и трудоемкий процесс заряжания и производства выстрела гранатой устаревшей конструкции натолкнул его на мысль об автоматизации такой стрельбы. Не будучи тогда специалистом стрелкового дела, Таубин попытался решить эту задачу с использованием пехотного пулемета Дегтярева (ДП). Решение разработать специальное автоматическое оружие под гранату Дьяконова было новым, перспективным, но требовало большого объема работ. Правда, специалисты тогда считали, что при малом вышибном заряде гранаты Дьяконова (меньше 3 г пороха) создать автоматическое оружие невозможно. Но Я. Г. Таубина не останавливали предстоящие трудности. Он ушел с 5-го курса института и занялся разработкой гранатомета.

² Б. Г. Шпитальный — один из авторов пулемета 7,62 «ШКАС» и пушки «ШВАК» калибра 20 мм.